

извольны, основаны на приемах школьно-схоластического толкования текстов и не являются собственно поэтическими, они не вытекают из семантических возможностей слова, а привносятся извне, и потому Буслаеву как бы тесно в пределах живого слова, и он охотно покидает его для установления иных связей и отношений». ²⁷ Нередко эти иные связи и отношения Буслаев устанавливает в своем комментарии. Например, строка: «Меру праву держала сожатыми персты» (2 : 29) объяснена авторами так: «Мера ж правая — самая правость; сожатые ж персты значат десять заповедей».

Аллегорическое мышление, сочетающее произвол в отождествлении объектов и рационалистичность в интерпретации этого отождествления, стимулировало единение случайного и закономерного в барокко. Подобно тому как «торжественное красноречие Феофана Прокоповича внушало слушателям, что победа Петра I — Самсона — над „свейским львом” — это неизбежность, потому что дата сражения пала на день св. Самсона», ²⁸ а «по словам Сильвестра Медведева, обращенным к царевне Софье, „слично Софии выну мудрой жити, / Да вещь с именем точна может быти”», ²⁹ у Буслаева Дева Мария практически отождествляет баронессу с собою, говоря ей: «Радуйся, Марие, мне ты тезоименна» (2 : 13). На том же основании Мария Магдалина сравнивает себя с баронессой в пользу последней: «Рекла к тезоименной душе восходящей: / „{...} // В вертограде коснут(ь)ся ко Христу воскресшу, / Сам той удержал мене, до него притекшу. // Ты ж пред исходом к Христу дважды прикоснулась...”» (2 : 81—82) (ср. комментарий Буслаева: «По воскресении Христове Магдалина явльшуся Христу не прикоснулась, ибо той рече сам: „Марие, не прикасайся мне”. {...} Сия баронесса прикоснулась дважды пред смертью ко Христу, то есть дважды через шесть часов сообщилась тела и крови его, чем наследовала жизнь вечную»).

В согласии с присущей барокко взаимообратимостью конкретного и абстрактного планов многие буслаевские тропы основаны на совмещении или отождествлении метафизического с предметным: «душа одета в платье была белом» (1 : 4); «*Душа моя, как елень, желает на воды, / К тебе та желает: {...} // {...} к твоей благодати. / Безмерно жажду, изволь мя отзде пряти*» (1 : 24—25) (безмерно жажду восходит к желанию елени на воды; ср. комментарий Буслаева: «Желание ея ко Богу жаждущей уподобляется елени»; комментарий апеллирует к образу оленя как традиционно-му символу влечения [к Богу] — ср. Песн. 2 : 8—9; по аналогии в эмблематике олень может символизировать обожание государя³⁰).

²⁷ Серман И. З. Указ. соч. С. 56.

²⁸ Смирнов И. П. Указ. соч. С. 346—347.

²⁹ Там же. С. 356.

³⁰ См.: Эмблемы и символы. С. 50.